

Ляньфэна получилось десять цзиней - на него ушло пять цзиней зелёной фасоли. Большой глиняный таз был наполнен доверху и выглядел весьма внушительно. Ляньфэн застыл очень хорошо; Лин Син приготовил немного приправ и разложил их по глиняным баночкам, решив устроить пробу для покупателей.

Когда он закончил с заправкой, Шэнь Хуэй уже выпил две большие чашки мучной болтушки, а когда Лин Син сел, тот как раз заливал в рот третью. Лин Син взглянул на него, и Шэнь Хуэй, который до этого ел очень быстро, внезапно замер и заметно сбавил темп. Когда он глотал мучную кашу, обычно хватало двух глотков, а сейчас пришлось сглатывать целых пять раз.

Движения Шэнь Хуэя невольно рассмешили Лин Сина; увидев, что тот стал есть медленнее, он больше ничего не сказал и сам опустил голову, продолжив есть.

После еды Шэнь Хуэй закинул за спину бамбуковую корзину, и они вместе вышли из дома. Сегодня из-за ляньфэна груз стал на десять цзиней больше, и Лин Син хотел взять часть на себя, но Шэнь Хуэй отказался.

- Дорога плохая, с поклажей в руках ты можешь упасть.

Подумав, Лин Син решил не добавлять ему хлопот и вместо этого оставлять Шэнь Хуэю побольше баоцзы и маньтоу, когда будет лепить, чтобы тот наелся как следует. В доме изо дня в день ели такую малопитательную пищу, да ещё и не досыта, и Лин Син сам не понимал, как при этом Шэнь Хуэй умудрился вырасти таким крепким.

Прилавок снова разложили и успели пропарить баоцзы и маньтоу как раз к тому времени, когда начали выходить первые едоки.

Лин Син по привычке поманил Шэнь Хуэя поесть - эти два дня так было каждый раз, и гер неизменно оставлял часть угощения для него. Сегодня баоцзы и маньтоу оказалось больше, чем раньше; Шэнь Хуэй с лёгким недоумением посмотрел на того, кто месил тесто. Заметив его взгляд, Лин Син сказал:

- Ешь побольше, мне кажется, ты стал худее, чем когда мы впервые встретились.

Шэнь Хуэй, держа в руках мягкий маньтоу, отошёл немного в сторону и молча принялся есть. Его взгляд задержался на Лин Сине - на его светлой спине, на профиле, который время от времени открывался, когда тот поворачивался.

Маньтоу был мягким и сладковатым, совсем не горячим: Лин Син специально дал ему чуть остыть, зная, что Шэнь Хуэй ест очень быстро. Шэнь Хуэй жевал, глядя на него, и думал неизвестно о чем, но скорость, с которой он ел, заметно снизилась. Когда подошли покупатели, маньтоу был уже доеден, и Шэнь Хуэй встал у паровой корзины.

Сегодня на прилавке появилось кое-что новое, и оно выглядело немного иначе. На столе стоял большой глиняный таз, перевернутый вверх дном и закреплённый на столешнице; рядом - глиняная миска с соусом. Здесь не было бамбуковых шпажек или чего-то подобного, чтобы есть на ходу, и ради чистоты Лин Син мог лишь разрезать промасленную бумагу. Если кто-то хотел попробовать, он отрезал кусочек лянфэна, заворачивал его нижнюю часть в отрезок бумаги, чтобы держать, и, зажав пальцами, макал в соус.

Покупатели, пришедшие за баоцзы, не проявили к перевернутому глиняному тазу особого любопытства: разве что бросали пару взглядов, но расспрашивать не стали. Лин Син понимал, что в торговле нельзя просто ждать, пока тебя спросят, и раз сейчас не нужно лепить баоцзы и маньтоу, он решил взять инициативу в свои руки.

- Это свежеприготовленный лянфэн из зелёных бобов - гладкий, нежный, если макать в приправу, получается кисло-солёно и очень вкусно. Сегодня первый день продажи, есть проба, кому интересно - подходите попробовать.

Эти слова, произнесённые ясным и звонким юношеским голосом, тут же привлекли тех, кто уже купил баоцзы и маньтоу, и они начали подходить ближе. Хотя никто раньше не слышал, что такое лянфэн, при слове «зелёные бобы» нетрудно было догадаться, что речь идёт о блюде из них.

Первым подошёл молодой человек, который до этого покупал маньтоу: на лице у него не было ни бороды, ни усов, да и на шее не просматривался кадык. За эти дни Лин Син уже подметил, что мужчины с такими признаками, даже без всяких повязок или косметики, были именно геры. У мужчин же либо имелась борода или щетина, либо, если и без неё, кадык всё равно был отчётливо заметен. А с теми, кто был слишком молод, чтобы сразу понять, гер это или мужчина, и при этом не имел явных внешних отличий, ошибиться было не страшно: если обращение выходило неверным, человек сам подавал голос и поправлял.

Увидев подошедшего человека, Лин Син расплылся в улыбке, его тон был мягким и приветливым:

- Гость, не желаете попробовать лянфэн из зелёных бобов?

Гер кивнул:

- Попробую.

Лин Син приподнял глиняный таз, и упругий, дрожащий лянфэн показался наружу. Сжимая в пальцах нарезанные на небольшие кусочки листки промасленной бумаги, он ножом Шэнь Хуэя аккуратно отрезал небольшой кусочек лянфэна и протянул его молодому человеку.

- Просто обмакните в соус.

Гер принял угощение, слегка кивнул и, глядя на зажатую в пальцах бумагу, тихо усмехнулся - на душе у него стало очень приятно.

- Есть у вас - одно удовольствие, не боишься испачкаться.

Услышав одобрение от покупателя, Лин Син, разумеется, тоже обрадовался. Это означало, что его старания не пропали зря: пусть хлопотно, но если у посетителей складывается хорошее впечатление, это важнее всего.

Гер, следуя совету Лин Сина, обмакнул лянфэн в соус из глиняной миски, а чтобы капли не стекали, ещё слегка провёл кусочком по краю чаши. Лянфэн, оказавшись во рту, сначала подарил лёгкую прохладу, затем раскрылся кисло-солёным вкусом; при жевании ощущалась его гладкая, нежная текстура, совершенно иная, непривычная.

Глаза гера тут же загорелись - он явно остался в полном восторге. Даже в его голосе прозвучали удивление и нетерпение:

- А почём этот лянфэн из зелёных бобов?

Лин Син охотно ответил:

- Шесть вэнь за цзинь, можно брать и по полцзиня. Если понадобится рецепт приправы, я тоже могу рассказать - дома уже под свой вкус можете убавить или добавить.

В городе тофу как раз продавали по шесть вэнь за цзинь, а зерно вообще стоило дорого: соя и разный грубый рис считались уже сравнительно дешёвыми - по пять вэнь за цзинь. Зелёные бобы стоили шесть вэнь за цзинь, и цена лянфэна выходила почти такой же, как у тофу, всего на один вэнь дороже сырья. Зато возможность купить по полцзиня создавала ощущение, будто цена сразу становится вполвину меньше.

Геру лянфэн и правда очень понравился - и текстура, и вкус, особенно когда обмакиваешь в соус: один укус, а во рту ещё долго держится приятная кисло-солёная нотка. Это так раззадорило аппетит, что ему хотелось съесть ещё. Он посмотрел на баоцзы и маньтоу в руках - сегодня и так уже потратился немало, но, немного поколебавшись, всё же решил взять цзинь. Как раз кстати: днём ожидалась гости. Купить цзинь лянфэна, нарезать к обеду и подать на стол - будет как добавочное блюдо. Такую еду раньше ни разу не видели и не пробовали, а если поставить её на стол - ещё и честь хозяевам поднимет.

- С вас шесть вэнь.

Когда Лин Син потянулся за маленькими весами, он на мгновение растерялся - это были те самые, что Шэнь Чэншань накануне вечером одолжил у старосты. Проблему с взвешиванием лянфэна они таким образом решили, но сам Лин Син такими весами пользоваться не умел. Он

обернулся, собираясь позвать Шэнь Хуэя, и тут же увидел, что тот уже подошёл и стоит рядом. Шэнь Хуэй протянул руку, забрал у него весы и тихо, низким голосом сказал:

- Старшая невестка, иди туда, продавай баоцзы, здесь я разберусь.

Лин Син быстро кивнул, ни на миг не задерживаясь, и тут же побежал к паровой корзине.

Ляньфэн пока тоже заворачивали в промасленную бумагу; продавая, Шэнь Хуэй добавлял напоминание:

- В следующий раз, если будете брать ляньфэн, приносите чашку. В бумаге по дороге легко придавить и раскрошить.

Гер не решался смотреть Шэнь Хуэю в лицо - этот мужчина казался ему слишком высоким и грозным, на лице ни тени улыбки; красивый, но давящий одним своим видом, так что разговаривать с ним было страшновато. Получив свёрток с ляньфэном, гер бросил на прилавок заранее отсчитанные шесть медных монет и со всех ног убежал. Он даже не стал расспрашивать про соус - готовить он умел, а вкус соевого соуса и уксуса в приправе и так было легко распознать.

Шэнь Хуэя совершенно не заботило, боятся его или нет: он даже глаз не поднял, сразу же обращаясь к следующим в очереди с вопросом, не хотят ли они попробовать. Ляньфэн «открыл счёт», и после первой продажи людей стало постепенно подходить всё больше.

Возможность бесплатно попробовать действовала безотказно: если еда действительно оказывалась вкусной, покупатели естественным образом задерживались и покупали. Большинство брало по полцзиня - на деле это было совсем не мало: нарезать - и получится полная чашка, которую можно поставить на стол как холодное блюдо, и всей семье хватит.

Ляньфэн продавался неожиданно хорошо. Во-первых, потому что сейчас было как раз то время, когда дикая зелень только-только проклёвывалась, и до того, как её можно будет есть, оставалось ещё с полмесяца. Всю зиму люди питались пресно, и вкусного им до крайности не хватало. Появилось что-то новое, незнакомое, да ещё и съедобное, и ради этого вполне стоило потратить несколько вэнь. К тому же ляньфэн отличался от баоцзы и маньтоу: за три вэня здесь можно было купить еду, которой хватало на всю семью, тогда как баоцзы и маньтоу - один-два штуки - ни с кем толком не поделишь, а если поделишь, то и вкуса не распробуешь.

Десять цзиней ляньфэна разошлись всего за какие-то две с небольшим четверти часа. Лин Син и сам был немало удивлён, он и представить не мог, что всё продается так быстро. Когда позже люди увидели, что ляньфэн закончился, некоторые даже стали просить его приготовить ещё, полагая, что его, как баоцзы и маньтоу, можно сделать на месте. Лин Син лишь с улыбкой разводил руками и объяснял, что ляньфэн требует много времени и сил и после того, как всё

распродано, приготовить его сразу уже невозможно. Пообещав, что завтра обязательно сделает больше, он с трудом, но всё же отправил покупателей по домам.

Первый же день продажи ляньюфэна оказался многообещающим, и это придало Лин Сину немалую уверенность: будущее начинало выглядеть всё более светлым. Если работать старательно, можно и правда дожить до такой жизни, когда в доме будут и рис с мясом, и обувь с одеждой без постоянных подсчётов.

Воодушевлённый, Лин Син снова поменялся с Шэнь Хуэем местами. Напевая себе под нос незатейливый мотивчик, он продолжил лепить баоцзы, и вокруг него словно разливалось весёлое настроение. Шэнь Хуэй, прислушиваясь к странной мелодии, которую напевал Лин Син, краем глаза заметил, как тот слегка покачивает головой, и невольно усмехнулся.

Эта усмешка, однако, перепугала одну из покупательниц. Шэнь Хуэй был высоким, женщина смотрела на него снизу вверх и решила, что его улыбка выглядит зловеще; схватив баоцзы, она поспешно ушла. Пройдя уже довольно далеко, она всё ещё была не в своей тарелке: у того прилавка с баоцзы всё было хорошо, кроме одного - этот высоченный парень уж слишком пугал.

И именно из-за этой внушительной внешности Шэнь Хуэя с тех пор, как появился прилавок, ни один человек так и не осмелился прийти и устроить неприятности.

Торговля длилась меньше двух часов - всё было распродано, и они начали сворачивать прилавок. Лишь тогда лавка Ван Юмая словно «оживла». Он ещё вчера подумывал сменить место и уйти подальше от прилавка с баоцзы, хотя бы ради того, чтобы прибавилось несколько покупателей. Но места с такой же арендной ценой давно уже были заняты, куда ему там было втиснуться. В совсем плохие места он идти не решался: там не только не заработаешь, но ещё и придётся отдать немало денег всяким проходимцам. А дорогие места ему были просто не по карману, и думай после этого, что делать, хоть голову ломай.

Сегодня он украдкой наблюдал за прилавком довольно долго и заметил, что на прилавке с баоцзы снова появилось что-то новое. И откуда только у того гера столько идей - всего несколько дней прошло, а он уже снова выставил новое угощение. Главное же было в том, что покупатели словно прикипели к одному-единственному прилавку. Он даже видел, как Чжао-лао, который обычно покупал баоцзы и маньтоу у того прилавка, а потом ещё заходил к нему съесть чашку постной лапши, сегодня купил этот самый «ляньюфэн». Обнимал здоровенный кусок, будто драгоценность, и так за весь день и не свернул к его лавке поесть лапши.

От этого у Ван Юмая на душе стало совсем холодно. Если срочно не отдалиться от прилавка с баоцзы, его лапшичная просто не выживет.

Собрав вещи, Лин Син и Шэнь Хуэй отправились на склад сдавать печь и делать отметки. Сторож у ворот, Ли Хуэйюань, их обоих уже хорошо знал. И в этот раз всё было почти как при первой встрече: он снова суетливо накрывал что-то бумагой. Но из-за слишком резкого движения не заметил, как опрокинул тушечницу - чёрные чернила разлились и мгновенно

пропитали бумагу. Несколько уже исписанных листов упали на землю. Ли Хуэйюань не стал обращать на них внимания, с тревогой спасая те листы на столе, на которых ещё не успели писать, но и их часть всё равно оказалась безнадежно испорченной. Он сжимал в руках листы, источающие резкий запах дешёвых чернил, чувствуя досаду на самого себя.

За эти несколько дней Лин Син уже знал, кем был Ли Хуэйюань. Когда они продавали баоцзы, немало покупателей любили поболтать, и кто-то как-то спрашивал, не оставляют ли они вещи на складе. Получив утвердительный кивок от Лин Сина, тот человек тут же оживился и заговорил о стороже складских ворот - Ли Хуэйюане.

В Юнься он был фигурой, о которой знали все. В четырнадцать лет Ли Хуэйюань сдал экзамен на степень туншэна и занял первое место, сделав шаг на путь государственных экзаменов. Тогда в маленьком Юнься, да и во всём уезде, это произвело настоящий фурор. В Юнься бывали туншэны, но четырнадцатилетний туншэн, да ещё и первый по списку, был только один - Ли Хуэйюань. Поэтому у него в посёлке даже появилось прозвище Ли Первый.

Все думали, что его ждёт стремительный взлёт и блестящее будущее, но Ли Первый оказался человеком с крайне неудачной судьбой: едва он получил первое место, как один за другим умерли дед и бабушка. Каждый раз полагалось соблюдать траур по три года, в течение которых нельзя было сдавать экзамены, и в итоге он провёл в трауре целых шесть лет.

Теперь ему было уже двадцать, и он по-прежнему усердно учился. Семья Ли не была богатой, ему нужно было самому зарабатывать себе на жизнь, и потому он вышел работать, одновременно стараясь выкроить как можно больше времени для учёбы, чтобы в следующем году снова попытаться счастья на провинциальном экзамене. В конце концов, при содействии уездного судьи, он устроился сюда на склад на должность сторожа, ведущего учет. Когда людей не было, он мог упражняться в каллиграфии и читать книги; платили ему шестьсот вэнь в месяц. Работа была лёгкая, да ещё и с жалованьем - для Юнься шестьсот вэнь в месяц вовсе не считались малой суммой. Ли Хуэйюань прекрасно понимал, что это уездный судья из доброты душевной протянул ему руку помощи. Он не хотел посрамить его и дать повод сказать, будто он относится к службе несерьёзно, поэтому читать и писать осмеливался лишь украдкой, каждый раз опасаясь, что его увидят.

Лин Син при каждом визите замечал, как Ли Хуэйюань с чрезмерной осторожностью прячет свои прописи, словно воришка. А тот ещё и был уверен, что скрывается очень ловко и никто ничего не замечает. Лин Син наклонился и помог собрать с земли несколько листов с уже написанными иероглифами; мельком взглянув на почерк, он подумал, что это действительно очень красиво. Для самого Лин Сина, который вовсе не умел писать кистью, почерк Ли Хуэйюаня был на уровне настоящего каллиграфа.

Он улыбнулся и сказал:

— Ли-тоумин*, у вас такой красивый почерк, зачем же каждый раз его прятать?

(ПП: интересное обращение. Тоумин буквально означает «первое место», «голова списка».)

Скорее всего это почётное прозвище/титул, указывающее, что этот Ли когда-то занял первое место на экзаменах.)

Ли Хуэйюань бросил на Лин Сина взгляд и, увидев в нём гера, тут же отвёл глаза, не решаясь смотреть дальше. Но после слов о красивом почерке прежние досада и самообвинение исчезли, вместо них появилась неловкая стеснительность. Он и прежде почти не общался ни с герами, ни с женщинами, и сейчас от волнения заговорил, сам того не желая, запинаясь:

- Н-не стоит... вашего, почтенного, похвального слова... мой почерк... ещё, очень далёк от хорошего.

Лин Син снова внимательно посмотрел на написанное: строки ровные, аккуратные, с явной силой кисти в каждом штрихе. Он уверенно сказал:

- Он и правда очень красивый, вы слишком уж скромничаете.

Лицо Ли Хуэйюаня покраснело ещё сильнее; он вовсе не смел поднять взгляд. Как можно так прямо хвалить человека?

Подумав, он вдруг засомневался: а вдруг его почерк и правда хорош? Наверное, да - гер говорил искренне, совсем не похоже, чтобы он обманывал.

- Т-тогда...

- Примите вещи. Мы спешим, — холодно прервал Ли Хуэйюаня Шэнь Хуэй, не дав ему договорить.

Ли Хуэйюань так и не успел вымолвить своё «правда?». Лишь после напоминания Шэнь Хуэя он вспомнил, что есть дела поважнее. Приняв медные монеты, он обмакнул кисть в оставшиеся чернила, записал имя и адрес, после чего вынул из ящика бамбуковую бирку и протянул её Шэнь Хуэю. Они приходили уже не в первый раз, и потому сопровождение внутрь больше не требовалось.

Шэнь Хуэй отнёс печь и глиняный котёл под навес, отмеченный на бирке, и ушёл. Проходя мимо ворот, он бросил взгляд на Ли Хуэйюаня, который прибирал стол. Точнее сказать, его внимание привлекли несколько листов с написанными иероглифами в руках того. Ли Хуэйюань решил, что на него смотрят, и с лёгкой улыбкой кивнул в знак приветствия. Шэнь Хуэй холодно глянул в ответ - книжный, изнеженный тощий тип.

Ляньфэн шел на удивление хорошо, и сегодня в зерновой лавке Лин Син снова купил десять цзиней зелёной фасоли, собираясь завтра вместе с оставшимися дома пятью цзинями всё переработать и принести на продажу. Без двадцати цзиней муки тоже было не обойтись; как и прежде, за один заход в лавку они оставили четыреста шестьдесят вэнь.

Шэнь Хуэй молча взвалил всё на спину. Уже у городских ворот он обратился к молодому писарю за столиком:

- Передай брату Сюй, пусть завтра заглянет ко мне на прилавок.

Молодой писарь знал, что Шэнь Хуэй дружен с Сюй-ци, и, похлопав себя по груди, заверил:

- Не переживай, брат, слово в слово передам.

Выйдя за городские ворота, Лин Син спросил Шэнь Хуэя:

- Что-то случилось? Зачем искать брата Сюя?

Шэнь Хуэй, молчавший уже несколько улиц подряд, наконец заговорил:

- Попрошу его помочь подобрать для лапшичной примерно такое же место.

Он повернул голову к Лин Сину; в словах будто сквозила шутка, но выражение лица оставалось слишком уж серьёзным и спокойным.

- Когда мы уходили, старшая невестка увидел хозяина лапшичной и даже напевать перестал.

От этого взгляда Лин Сину стало как-то неловко; вроде бы слова звучали с поддёржкой, но были сказаны так чинно и прямо, что он не знал, как реагировать. С усилием отбросив это лёгкое смущение, он сказал:

- Тогда и мы сами можем сменить место - разве не всё равно?

- Если только после смены места старшая невестка не станет переживать из-за того, что всё равно задел чей-то бизнес, и снова будет портить себе настроение, — ответил Шэнь Хуэй и затем уже подробнее объяснил: - Прилавок баоцзы где угодно будет влиять на других торговцев едой. На улице Танфан таких немного, и пока сильнее всего пострадала только лапшичная. Для них уйти в другое место - самый лучший выход.

Он говорил разумно... но что, если хозяин лапшичной вовсе не захочет уходить?

Шэнь Хуэй, словно угадав мысли Лин Сина, сказал:

- Хозяин лапшичной тоже хочет уйти, просто не может найти подходящее место. Когда он переживал, то тихо бормотал себе под нос, я прочитал по губам.

Иначе Шэнь Хуэй и не стал бы просить Сюй-ци о помощи.

Лин Син удивился:

- Откуда второй брат знает, о чём я думаю?

На этот раз Шэнь Хуэй снова замолчал. Лин Син обогнал его и пошёл задом, глядя на него с откровенным недоумением на лице.

Шэнь Хуэй отвернулся, уходя от его взгляда; брови чуть сошлись на переносице, и он глухо ответил:

- Догадался.

<http://bllate.org/book/13938/1316880>